

Введение: глобальный капитализм расширяется и встречает сопротивление

КЕВИН Х. О'РУРК
И ДЖЕФФРИ ДЖ. УИЛЬЯМСОН

СОДЕРЖАНИЕ

Как капитализм становился глобальным:	
общий план · 9	
Глобализация капитализма	
в международном масштабе · 14	
Отступление глобализации в межвоенное время	
и ее возобновление после 1945 года · 27	
Рынок и глобализация под ударом · 30	
Углубление и расширение капиталистических	
институтов в глобальном контексте · 35	
Литература · 36	

ВТОРОЙ ТОМ «Кембриджской истории капитализма» повествует о том, как после 1848 года капитализм эволюционировал в западноевропейских государствах и их ответвлениях¹ и распространялся в остальные части мира. На всем протяжении этого периода, по мере того как капитализм преодолевал сопротивление и иногда был вынужден отступать, он непрерывно усложнялся. Сегодня, когда глобальный капитализм испытывает мощнейшее напряжение, а экономический рост в мире, по всей видимости, замедляется, легко увлечься злободневными вопросами современности. И последняя глава настоящего тома в самом деле посвящена этим вопросам в отношении к будущему. Во введении, однако, мы попробуем устоять перед соблазном презентизма и вместо этого обратимся к прошлому, чтобы упорядочить наши мысли о настоящем. Ниже мы набросаем общую схему развития капитализма после 1848 года, в которую читатель сможет вписать подробности последующих глав.

1. *Англ.* offshoots, термин введен британским историком экономики Энгасом Мэддисоном (1926–2010). Под «ответвлениями» имеются в виду Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия. — *Прим. пер.*

КАК КАПИТАЛИЗМ СТАНОВИЛСЯ ГЛОБАЛЬНЫМ: ОБЩИЙ ПЛАН

Процесс превращения капитализма в глобальную систему шел на двух уровнях, разделить которые можно с помощью аналогии (еще раз она возникнет ближе к концу главы). В строгом смысле слова золотой стандарт относился к *внутренним* институтам отдельной страны, привязывая ее денежное предложение к золотым резервам. В *международную* систему обменных курсов золотой стандарт превратился только после того, как некоторое количество стран независимо друг от друга ввели его у себя,

разрешив затем свободное обращение золота. Схожим образом для превращения капитализма в *международную экономическую систему* требовалось не только появление капиталистических институтов во всех странах — участниках этой глобальной системы, экономическое взаимодействие по широкому кругу вопросов среди этих стран. Если бы социализм преуспел и охватил всю планету, мир, несомненно, объединился бы в международную систему — но не капиталистическую. Да и сами капиталистические страны нередко предпочитали отгородиться от глобальной экономики. Глобальная капиталистическая система предполагает аналогичные институты на *национальном уровне* и взаимодействие на *международном*.

До тех пор пока отдельные нации сохраняют какой-то контроль над собственной судьбой, маловероятно, что капиталистическая система станет поистине глобальной; по крайней мере этого не стоит ждать на нашем веку. Тем не менее сегодня говорить о глобальной капиталистической системе можно с гораздо большим основанием, чем когда-либо раньше в человеческой истории. Столь же бесспорно, что переход к нашей системе глобального капитализма XXI века не происходил линейно — ни на национальном, ни на международном уровне. На этом пути то и дело вспыхивали очаги политического сопротивления глобализации, а базовые институты свободного рынка то и дело откатывались назад (см. гл. 12 настоящего тома). Некоторые вспышки такого рода были результатом внутрисполитических причин — часто они выражали реакцию на неравномерное распределение дохода, свойственное капитализму (см. гл. 13 и 14). В иных случаях они были результатом крупных шоков, ударявших по международной системе, часть из которых действовала изнутри и вытекала из недостатков капиталистических институтов на раннем их этапе развития, а часть, надо полагать, приходила извне. Первая мировая война и Вторая мировая война ярко иллюстрируют второй тип шоков. Однако, как показано ниже, эти столкновения могли возникнуть из характерных особенностей международной экономической системы начала и середины XX века (см. гл. 11). Иные шоки, как указывал Карл Маркс, могли стать результатом «нестабильности», внутренне присущей капитализму, — в первую очередь речь идет о Великой депрессии и случившейся не так давно Великой рецессии. Важнее всего выяснить, какие шаги предпринимали

различные страны в ответ на эти глобальные шоки. Так, после Великой депрессии и Второй мировой войны некоторые страны реформировали свою финансовую систему, постепенно вернули свою экономику в орбиту международной торговли (хотя и не международного движения капитала) и заключили «большую сделку» между трудом, капиталом и властью. Именно это произошло в Западной Европе, где в четвертьвековой период 1950–1973 годов разыгрывалось чудо экономического роста. В то же время другие страны, в том числе большинство стран Латинской Америки, взяли более изоляционистский, антиглобалистский и антирыночный политический курс, перейдя к политике импортозамещающей индустриализации, и отказались от него лишь в 1980-х и 1990-х годах. После того как в 1971–1973 годы с фиксированными валютными курсами как основой международной денежной системы было навсегда покончено, начался новый виток глобализации и капитализм испытал мощный прилив сил. В соответствии с этой общей канвой событий каждая из следующих глав будет рассматривать три исторических этапа: итоги промышленной революции в XIX веке, отступление глобального капитализма в середине XX века и постепенное возобновление его расширения и углубления после Второй мировой войны.

Итоги промышленной революции

Так называемый долгий XIX век во многом прошел под знаком промышленной революции. С точки зрения развития глобального капитализма наиболее важными последствиями были следующие. Во-первых, между богатыми капиталистическими лидерами и бедными докапиталистическими последователями наметилась «Великая дивергенция» по уровню душевого дохода. В ходе этой «Великой дивергенции» баланс военной мощи кардинальным образом переместился в сторону западных стран, которые теперь могли властвовать над огромными кусками земного шара, используя средства формального и неформального империализма (см. гл. 10). Империализм способствовал распространению в мире нескольких правовых систем (см. гл. 5), акционерных обществ и других форм организации компаний (гл. 6 и 7), финансовых институтов, а также содействовал международной экономической ин-

теграции. Во-вторых, промышленная революция породила Великую специализацию. Господствующая держава, Великобритания, из всех сил стремилась установить в международном масштабе систему свободной торговли, поскольку главным предметом ее экспорта были товары обрабатывающей промышленности, а главным предметом импорта — жизненно важное продовольствие, сырье и материалы из бедной периферии (Findlay and O'Rourke 2007; Williamson 2011). В-третьих, новые промышленные, а также сельскохозяйственные технологии начали проникать из Великобритании в остальные регионы Северо-Западной Европы и Соединенные Штаты, а затем, спустя некоторое время, глубже в европейскую периферию, в Латинскую Америку и Азию (гл. 2, 3 и 4). В-четвертых, новые средства транспорта и телеграф укрепили торговые связи и сомкнули рынки товаров в единый глобальный рынок. В-пятых, все совершенней становились внутренние денежные рынки, все более мощные волны финансового капитала перекатывались из страны в страну, что в итоге образовало всемирный рынок капитала (гл. 9). В-шестых, стоимость пассажирских перевозок снизилась, уехавшие на заработки в страны с высокой зарплатой могли перечислять домой все бóльшие суммы, в регионах-донорах с низкими зарплатами, замкнутый круг бедности был разорван — все это стало причиной массовой миграции. Благодаря ей родилось нечто похожее на общий рынок рабочей силы в Атлантике, степень монолитности которого постепенно возрастала. Наконец, вслед за промышленной революцией в странах-лидерах начала медленно распространяться демократия, и в XX веке этот процесс оказал огромное влияние на экономику глобального капитализма.

Капиталистические институты на национальном уровне

Из глав, собранных в настоящем томе, больше всего можно узнать о небольшой группе стран, которые к 1848 году уже имели относительно развитые капиталистические институты. Почти все они располагались в Западной Европе или были ответвлениями западноевропейских государств, и лишь небольшая их доля относилась к другим частям мира. Настоящий том одновременно повествует и об углублении и о расширении капиталистических ин-

ституты, действовавших на национальном уровне. Говоря об углублении капитализма, мы имеем в виду дальнейшее развитие его институтов в ключевых странах в конце XIX века. Например, можно назвать постоянное усовершенствование финансовых рынков в таких странах, как Великобритания и Соединенные Штаты, или появление современного акционерного общества в Соединенных Штатах вслед за распространением железных дорог и телеграфа. Говоря о расширении капитализма, мы имеем в виду процесс постоянного пополнения клуба капиталистических стран новыми участниками. К примеру, стремительно усваивала капиталистические институты в периоды Мэйдзи и Тайсё Япония; то же самое пытались делать в период *belle époque* (*фр.* прекрасная эпоха) латиноамериканские страны, вставшие на путь индустриализации (Мексика, Аргентина и Бразилия). Сюда же относятся и зарождение таких азиатских центров капитализма, как Шанхай и Бомбей.

Глобальное взаимодействие

Усиление глобализации в ходе XIX века происходило под действием нескольких факторов, в первую очередь появления новых видов транспорта и новых технологий передачи информации, о которых говорилось выше. С другой стороны, свое влияние эти технологические факторы оказали только потому, что для этого существовали благоприятные геополитические условия. В частности, в Западной Европе окончилась эпоха меркантилистского соперничества и наступила эпоха британского господства; исчезли великие торговые монополии эпохи меркантилизма, уступив место гораздо более свободной конкуренции. В 1815 году был достигнут твердый мир, подаривший целое столетие спокойной международной торговли без разрушительных внутриевропейских конфликтов. На мировую арену вышел империализм, навязавший свободную торговлю не только официальным колониям (в отличие от самоуправляемых доминионов, которые, как правило, предпочитали устанавливать значительные пошлины), но и номинально независимым государствам, таким как Китай, Египет, Япония, Сиам и Османская империя — всех их заставили пойти на контакт дипломатией канонерок. Кроме того, Британия развила достаточную

военную мускулатуру, чтобы выступить мировым полицейским (идея *раx Britannica*), точно так же как сегодня это делает Америка (*раx Americana*).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ МАСШТАБЕ

Первый глобальный век: взлет торговли²

2. Материал дан-ного параграфа в основном взят из: O'Rourke and Williamson 1999; Findlay and O'Rourke 2007 и Williamson 2011.

Период от Наполеоновских войн до Первой мировой войны в сфере мировой торговли характеризовался четырьмя признаками, которых не было ни у одной эпохи ни до, ни после, за исключением периода после Второй мировой войны. Во-первых, наиболее богатые и быстро-растущие европейские экономики сняли внешние барьеры, упразднив старинную меркантилистскую политику, снизив таможенные пошлины и убрав нетарифные ограничения для торговли. За ними последовали и их колонии в Африке и Азии, а также многие другие государства, испытывавшие на себе дипломатию канонерок. Кроме того, большинство стран мира установили связь между своими обменными курсами, введя золотой стандарт или присоединившись к другим валютным режимам, и тем самым сократили курсовой риск. Таким образом, первой важной причиной торгового подъема явилась либеральная торговая и валютная политика. Во-вторых, благодаря открытию паровой тяги мир пережил революцию в развитии транспортных средств, которая также способствовала торговле. Как только издержки резко упали, расстояния впервые в истории перестали сдерживать торговлю. Дополнительный стимул революции придало изобретение телеграфа, еще одной технической новинки, которая облегчала обмены и ослабляла неопределенность относительно цен на отдаленных рынках. В-третьих, в Европе и ее ответвлениях благодаря промышленной революции резко возросли темпы экономического роста. В результате начал бурно расти спрос буквально на все виды товаров, особенно на сырье для обрабатывающей промышленности, топливо и деликатесы. В-четвертых, в мире стало гораздо спокойней, чем прежде. Частые европейские войны прошлого мешали торговле, так как ее участники вводили блокаду, реквизировали иностранное имущество, забирали торговые суда для военных нужд — а неопределенность

на рынках повышалась. XIX век, эпоха рах Britannica, принес мир, располагавший к торговле.

Когда война с французами была окончена, Британия, мировой гегемон, приступила к устранению торговых барьеров. После череды либеральных реформ 1820-х и 1830-х годов премьер-министр Роберт Пиль в 1846 году принял судьбоносное решение отменить так называемые хлебные законы, и Великобритания в одностороннем порядке сняла ограничения. Этот переход к фритредерству случился отнюдь не внезапно. В действительности за тридцать лет было пройдено четыре значимых этапа: с 1815 по 1827 год, когда уровень пошлин в отношении к объему торговли равнялся примерно 70%; с 1828 по 1841 год, когда он опустился до 50%; с 1842 по 1845 год, когда он упал до 19% и, наконец, 1846 год, когда Британия перешла к свободной торговле. Таким образом, крупнейшая европейская экономика открывала свои рынки для всех желающих. За либеральной Британией последовали остальные страны Западной Европы, и на всем протяжении 1850–1860-х годов средний уровень пошлин на континенте опускался благодаря присутствию во взаимных соглашениях западноевропейских стран пункта о режиме наибольшего благоприятствования.

Обратный процесс начался в конце 1870-х и 1880-х годах, когда из Нового Света и России на европейский рынок стало поступать дешевое зерно — что, вообще говоря, не входило в интересы землевладельцев. Ответная реакция в виде повышения пошлин, наступившая в Европе в конце XIX века, экспортерам из бедных стран периферии не нанесла ущерба, потому что их сырье не конкурировало с товарами европейских производителей (за исключением тростникового сахара, который конкурировал со свекольным сахаром). Однако это не помешало многим странам Восточной Азии и Латинской Америки, вовсе не заинтересованным в свободной торговле, осуществить еще более крутой разворот. США, доминионы Англии и молодые республики Латинской Америки имели самые высокие в мире таможенные пошлины, с помощью которых они защищали свои незрелые отрасли и обеспечивали доход казне. Восточная Азия также не проявляла особого энтузиазма по поводу свободной торговли, хотя морская мощь промышленных лидеров заставила ее подчиниться. Не менее важным для бедной глобальной периферии был тот факт, что европейские рынки оставались откры-

тыми для их экспорта. Вместе с тем связь между экономиками ведущих стран Европы, их ответвлений и колоний возросла, так как они скрепили свои валюты посредством золотого стандарта и иных валютных союзов. Это усилило фритредерский характер их экономической политики.

Даже по прошествии нескольких десятилетий XIX века доставлять товары за море оставалось слишком дорого и громоздким сырьем и материалами на длинные расстояния почти не торговали. То есть основные продукты, промежуточные товары для промышленности и топливо не перемещались на значительные расстояния хоть сколько-нибудь регулярно. Несмотря на то что в голодные годы хлеб мог доставляться через Атлантику в Европу, постоянно в крупных масштабах и на дальние расстояния перевозили только товары с высокой ценностью в расчете на единицу объема: драгоценные металлы, специи, шелк, фарфор и другие предметы потребления для богатых, а также перевозили рабов, а позднее такие колониальные товары, как сахар, табак или хлопок, которые в Европе произвести было трудно, если вообще возможно. Глубокие изменения произошли в XIX веке, когда развернулась революция в сфере морского и наземного транспорта. После французских войн в ключевых странах Европы начали активно вкладывать капитал в каналы и строительство портов. После того как в Соединенных Штатах в 1825 году завершилось строительство канала Эри, связывавшего реку Гудзон и озеро Эри, стоимость транспортировки из Буффало в Нью-Йорк сократилась на 85%. Благодаря этим транспортным улучшениям стали исчезать региональные преграды для внутренней торговли, и в Соединенных Штатах, в Британии, германском Таможенном союзе, а также в других странах на континенте начали складываться единые национальные рынки товаров.

Самое сильное влияние в сфере перевозок в XIX веке оказали пароходы. В первой половине столетия они в основном использовались для судоходства на крупных реках, Великих озерах, Балтийском, Средиземном море и внутренних морях государств. Регулярное пароходное сообщение в Атлантике торжественно открыли в 1838 году, однако вплоть до 1860 года новый тип судов перевозил главным образом высокоценные грузы вроде тех, которые сегодня доставляют самолетом, — пассажиров, почту и деликатесы. Еще одним значимым достижением транспорта XIX века стали железные дороги. Их сеть во второй по-

ловине XIX века росла грандиозными темпами, особенно в Соединенных Штатах, где этот вид транспорта сыграл главную роль в создании поистине национального рынка. К 1850-м годам уже из каждого крупного порта северо-востока Европы можно было довольно дешево доставить товар в любой небольшой городок сельской глубинки. За период, разделявший 1830-е и 1850-е годы, ставки на фрахт через Атлантику упали почти на 55%. В Британии тарифы на доставку между Ливерпулем и Лондоном за полвека после 1840 года рухнули примерно на 70%. Кроме того, поскольку появление железнодорожного транспорта, вероятно, имело даже большее значение, чем развитие морских путей сообщения, можно не сомневаться, что общая экономия на транспортных расходах была еще сильнее, чем указанная цифра.

Революция в транспортной отрасли коснулась не только экономики Атлантического региона. Не менее резко тарифы на фрахт упали и на маршрутах, в которых значились порты Черного и Средиземного морей. За тридцать лет после 1820 года тарифы на фрахт из Одессы в Англию упали на 51%. А после 1870 года сильное влияние железных дорог стало чувствоваться и в Евразии: железные дороги соединили хлеботородную глубинку с Одессой, Черным морем и тем самым с мировым рынком. То же самое происходило и с американским Средним Западом и внутренними районами Латинской Америки.

Во многих частях глобальной периферии железные дороги сыграли даже более значимую роль, чем в странах центра. Там, где территория дробилась из-за природных преград, где не хватало внутренних рек, а до побережья было трудно добраться, — в Аргентине, на юго-востоке Бразилии, в Мексике, Испании, Турции и Индии, — железные дороги соединяли рынки крайне эффективно. Они давали в руки капиталистов отмычку от прежде изолированных внутренних областей периферии, вливая их в мировой рынок.

Восточноазиатские тигры, а за ними Китай своими темпами роста конца XX века задали настолько высокую планку «экономического чуда», что на их фоне меркнут прошлые эпизоды быстрого роста. Однако по стандартам своего времени первое «чудо экономического роста», запущенное промышленной революцией в Западной Европе и англоговорящих колониях, было чем-то поистине выдающимся: за первое глобальное столетие, завершив-

шееся в 1913 году, темпы роста поднялись почти в четыре раза. Легко недооценить масштаб изменений, ведь даже в наиболее богатых странах большинство населения по-прежнему состояло из крестьян, живущих экономически самодостаточными хозяйствами, зачастую практически оторванными от рынков. Это означает, что темп роста экономического «излишка» по сравнению с продуктом, необходимым для физического выживания, подскочил, скорее всего, намного более, чем в четыре раза. А именно рост этого излишка и способствовал продвижению торговли. Действительно, доля торговли в мировом ВВП в период с 1820 по 1913 год выросла в восемь раз.

Наконец, многие экспортные товары бедной периферии требовались для обрабатывающей промышленности. Канонический пример такого рода товаров — хлопок-сырец, необходимый для текстильного производства. Но можно привести и другие примеры: медь, пенька, джут, каучук, шелк, олово, шерсть, самые разнообразные виды древесины. Торговля этими промежуточными товарами и продуктами питания, которые мы сегодня называем обобщенно сырьевыми товарами (*commodities*), развивалась вслед за ростом промышленного выпуска в богатых странах центра, который намного опережал темпы роста совокупного ВВП. Мировой спрос на сырьевые товары вовлек периферийные страны в мировую экономику и познакомил их с капиталистическими институтами.

Рост мировой торговли в первое глобальное столетие выглядит весьма впечатляюще. В течение первых шести десятилетий до 1913 года ее объем рос на 3,8% в год, намного опережая темпы роста ВВП. В результате доля торговли в мировом ВВП увеличивалась. Из этого можно заключить, что повышение дохода, индустриализация, революция в сфере транспортных перевозок, совершенствование средств связи и либерализация экономической политики дополняли и усиливали друг друга. Какой из этих факторов был самым важным? Ответ зависит от того, возьмем ли мы за главный показатель степень интеграции рынка, долю торговли в ВВП или сам объем торговли. Если мы сосредоточимся на объемах торговли, тогда самую важную роль играл рост дохода, который, в свою очередь, происходил благодаря углублению и расширению капитализма. Если же за главный показатель взять долю торговли в ВВП и степень интеграции рынка, то наибольшее влияние оказало падение таможенных и транспорт-

ных преград, которое отчасти было результатом политики ведущих капиталистических стран, поощрявших глобализацию.

Первый глобальный век: роль массовой миграции³

За несколько десятилетий между приблизительно 1820 годом и серединой XX века в сфере глобальной миграции произошли коренные изменения. Изменилась миграционная политика: если раньше оттоку населения препятствовали, стремясь обеспечить страну рекрутами и дешевыми рабочими руками, то теперь в политике настала эпоха *laissez-faire* (*фр.* невмешательства). Изменились масштабы: такой численности мигрантов, переселяющихся на далекие расстояния, мир до 1848 года не видывал. Изменился состав людских потоков. Если раньше мигранты перемещались в основном как законтрактованные рабочие и по принуждению, то теперь они действовали без какой-либо помощи и добровольно. Если в прежние времена добровольно уезжали в основном семьи и отнюдь не бедные, то теперь чаще стали ехать в одиночку и бедняков стало гораздо больше. И если до этого возвратная миграция встречалась очень редко, то теперь она превращалась во все более обыденное явление.

Каким образом и когда число иностранцев среди населения европейских заморских колоний, в частности в Северной Америке, поднялось до значительного уровня? В первые три десятилетия после 1846 года из Европы каждый год уезжало в среднем 300 тысяч человек. В следующие два десятилетия эта цифра возросла вдвое, а в начале нового столетия она перевалила за миллион человек в год. Состав стран-доноров тоже кардинальным образом изменился. В первой половине столетия наибольший поток отправлялся с Британских островов, на втором месте находилась Германия. В середине века к этому потоку миграции примкнули переселенцы из Скандинавии и других стран Северо-Западной Европы. В 1880-е годы их примеру последовали жители Южной и Восточной Европы. На долю именно этих стран приходилась основная масса возросшего числа эмигрантов в конце XIX века. Первыми свои места покинули итальянцы и жители некоторых областей Австро-Венгрии, но начиная с 1890-х годов в их

3. Материал настоящей главы основан на: Hatton and Williamson 2008: ch. 2.

ряды активно влились жители Польши, Российской империи, Балканских стран, Испании и Португалии.

Подавляющее большинство европейских переселенцев стремились в Соединенные Штаты, хотя крупные потоки в 1880-е годы также направлялись в Южную Америку, в особенности в Аргентину и Бразилию и с началом XX века — в Канаду. Не глубокий, но непересыхающий ручей связывал Великобританию с Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. И все же на первом месте стояли Соединенные Штаты. С 1846 по 1850 год — эпоха Великого голода в Ирландии — США приютили 81% от всего притока людей на оба американских континента. В 1906–1910 годы, на которые пришелся предвоенный пик миграции, в США прибывало 64% всех мигрантов, пристававших к берегам Нового Света. В тот период конкуренция США могла составить только Аргентина.

Миграция шла и между европейскими государствами. Самый ранний пример — переселение ирландцев в Британию в 1781–1851 годы, по итогам которого до 10% всех жителей британских городов имели ирландское происхождение. Вторым примером служит переселение итальянцев: в 1890-е годы более половины всех итальянских эмигрантов направлялись в другие страны Европы, в первую очередь во Францию и Германию. Третий пример — это отток населения из Восточной Европы в Германию, который в недавнее время возобновился. Цифры, о которых шла речь выше, касаются почти исключительно валовой, а не чистой миграции. Большую часть XIX века разница между этими показателями была незначительной, поскольку возвратная миграция обходилась слишком дорого. Однако постепенно ее роль возрастала. Так, по оценкам государственных органов США, за 1890–1914 годы возвратная миграция поднялась до 30% от общего притока населения, а в десятилетие перед Первой мировой войной ее доля стала еще выше (Bandiera, Rasul, and Viarengo 2012). В 1857–1924 годы возвратная миграция из Аргентины составляла 47% от валового притока населения в страну. Высокая доля возвратной миграции указывала на усиливающуюся тенденцию к временным, часто сезонным, переездам. И это касалось не только европейской эмиграции, но и перемещения людей внутри Европы.

Поскольку для крупных стран отток и приток мигрантов выше, чем для мелких, чтобы оценить влияние миграции на рынок труда нужно привести показатели к неко-

ему единому знаменателю. Иначе говоря, нужно соотнести отток с численностью людей в стране-доноре, а приток с численностью людей в стране-реципиенте. Самый простой выход — разделить миграционные притоки и оттоки на величину населения и рабочей силы в стране-доноре и стране-реципиенте. Коэффициент выбытия более 50 человек на тысячу населения за десятилетие был характерен для Великобритании, Ирландии и Норвегии весь конец XIX века. К концу столетия этого уровня достигли Италия, Португалия и Испания. Отток из Швеции и Финляндии лишь в одно десятилетие достигал 50 на тысячу населения, но и уровень в 10–50 на тысячу населения, наблюдавшийся в остальные десятилетия, по современным меркам очень велик.

Коэффициент прибытия в Новом Свете был даже выше, чем коэффициент выбытия в Европе, — это арифметическое следствие того факта, что население в странах-донорах с избытком рабочей силы было намного выше населения в странах-реципиентах с ее недостатком. Во всех частях мира перед Первой мировой войной миграционные коэффициенты достигали большой величины, и это должно было оказать существенное экономическое влияние на рынок труда в регионах-донорах и регионах-реципиентах. Тем более это верно, если учесть то обстоятельство, что в миграции действовал механизм самоотбора — в ней участвовали те, кто мог извлечь из переселения наибольшую выгоду, а именно молодые мужчины трудоспособного возраста. Это означает, что степень участия в рабочей силе у мигрантов была намного выше, чем у населения стран отъезда, равно как и у населения стран прибытия. Отсюда следует, что коэффициенты трудовой миграции были даже выше, чем и без того высокие коэффициенты миграции населения.

Конечно, не все сведения о мигрантах попадали в официальную статистику. Но эту проблему можно обойти, если в данных о переписи населения взять долю населения, родившегося за рубежом. Непосредственно перед Первой мировой войной наиболее высокая доля населения, родившегося за границей, была у Аргентины и Новой Зеландии (около 30%), тогда как в крупнейшей «мигрантской» экономике, Соединенных Штатах, она составляла около 15%. Сегодня эти коэффициенты значительно ниже.

Движение населения из регионов периферии с избытком рабочих рук в районы с дефицитом трудовых ресур-

сов нередко было сопоставимо с масштабами массовой миграции из Европы. Около 50 миллионов человек переселилось из богатой рабочей силой Индии и Южного Китая в такие регионы, как Бирма, Цейлон, Юго-Восточная Азия, острова Индийского океана, Восточная Африка, Южная Африка, острова Тихого океана, Квинсленд, Маньчжурия, страны Карибского бассейна и Южная Америка. Эти мигранты удовлетворяли растущий спрос на рабочие руки на тропических плантациях и поместьях, занимавшихся выработкой сырья. Помимо этого, они работали в портах, на складах и фабриках, вовлеченных во внешнюю торговлю. Большинство мигрантов являлось законтрактованными рабочими: за них уплатили расходы за пересечение океана и они были обязаны отработать по контракту твердое количество лет. Такая форма найма была востребована у выходцев из очень бедных семей в Индии и Китае, которым родственники не могли оплатить транспортные расходы. В этом отношении система контрактов очень походила на систему долгового рабства (*Indentured servitude*), действовавшую в Новом Свете в XVIII веке.

Почему перед Первой мировой войной произошел мощный всплеск миграции? Во-первых, выросла численность населения, потенциально готового уехать: демографический переход в Европе привел к падению детской смертности и, с задержкой в 15–20 лет, — к росту доли молодого трудоспособного населения. Поскольку молодежь всегда наиболее мобильна, эти демографические изменения стимулировали европейскую миграцию — то же произошло со странами Третьего мира после 1950-х годов. Но действовали и другие, более конкретные, силы. Большинство мигрантов бежало от бедности, полагаясь при этом на помощь своей семьи, тогда как государство им не помогало, но и не мешало: проводя параллели с сегодняшним днем, можно сказать, что система разрешений на работу отсутствовала. По мере развития транспорта и средств связи издержки и неопределенность, сопряженные с миграцией, снижались и возможность уехать за море появлялась у все большей доли европейских бедняков, которым переезд сулил в то же время наибольшие выгоды. Быть может, свой вклад в грандиозную миграцию 1840-х годов внесли голод и революции, однако именно фундаментальные экономические и демографические силы на рынке труда поднимали все новые и все более

крупные людские волны. Среди этих фундаментальных факторов следует выделить следующие: демографический бум в странах-донорах, который постоянно пополнял резервуар молодежи, наиболее склонной к переезду; складывание современной модели экономического роста в странах-донорах, которая повышала реальные доходы населения, предоставляя все большему числу семейств средства для переезда; растущая помощь со стороны тех, кто уже перебрался за океан и пересылал домой деньги, покупал билеты и мог дать совет относительно местного рынка труда потенциальным эмигрантам. Но, что самое важное, въезд в страны-реципиенты оставался свободным.

Первый глобальный век: роль рынков финансового капитала⁴

В конце XIX века резко возрос уровень интеграции рынков капитала и чрезвычайно усилилось международное движение денег. Несомненно, самым крупным экспортером капитала за рубеж в тот период была Великобритания: если в 1870 году за рубежом было вложено 17% богатства британцев, то к 1913 году эта доля возросла до 33%; при этом в процентном соотношении к объему британских сбережений величина иностранных инвестиций была очень высока. На своем пике она составляла более 40 или даже 50% от совокупных сбережений Британии (Edelstein 1982; O'Rourke and Williamson 1999). Хотя львиная доля займов приходилась на территории империи (42% в период с 1870 по 1913 год), с течением времени эта доля медленно снижалась, тогда как доля инвестиций, поступавших в Соединенные Штаты и Латинскую Америку, повысилась до 38% (Stone 1999). Британский капитал в первую очередь тянулся к богатым земельным и иным природным ресурсам. В условиях, когда население Британии стремительно росло и становилось все более зажиточным, возрастала ценность земли как эластичного источника продовольствия. Чтобы использовать этот потенциал, требовались обширные инвестиции в транспортную и иную инфраструктуру, жилье и различные объекты коммунального хозяйства. Предоставлением этих инвестиций и занялся британский капитал: на долю госструктур и железнодорожных компаний приходилось соответственно 40 и 30% от всех британских инвестиций за рубежом.

4. Материал данного параграфа взят из O'Rourke and Williamson 1999.

В больших объемах экспортировали капитал и другие европейские страны, в первую очередь Франция и Германия, которые на пике отправляли за рубеж около одной пятой своих внутренних сбережений. По сравнению с Британией они больше инвестировали в Европу, но при этом также избирали страны с обильными земельными ресурсами, которым требовались большие вложения в инфраструктуру — например, Турцию и Россию. В этот период зависимость стран — импортеров капитала от иностранных денег часто достигала чрезвычайной степени: в 1913 году иностранцы владели почти половиной всего основного капитала Аргентины и одной пятой капитала Австралии (Taylor 1992).

Что вызвало столь громадные передвижения капитала? Сторонники одной из традиций утверждали, что эти потоки отражают не высокую степень рыночной интеграции, а перекосы в финансовой системе Британии. Согласно данной точке зрения, лондонский Сити действовал в ущерб национальной промышленности, предпочитая финансировать зарубежных заемщиков. Но эмпирические данные не подтвердили эту гипотезу. Во время бума иностранных инвестиций доходность за рубежом превышала доходность на внутреннем рынке, а во время спада наблюдалось обратное соотношение (Edelstein 1976). В среднем доходность за рубежом превышала доходность внутри экономики, поэтому никаких иррациональных перекосов не было.

Следовательно, высокий и все возрастающий вывоз капитала из Британии мог быть вызван несколькими причинами: интеграция рынка капитала, которая вела к экономии издержек на перемещение денег между странами; рост спроса на импортный капитал за рубежом, что, в свою очередь, могло быть обусловлено ростом спроса на инвестиции либо сокращением сбережений; рост предложения британского капитала, доступного для экспорта, что могло быть вызвано накоплением финансовых средств в Британии либо сокращением в ней инвестиционного спроса. У каждого из этих пяти возможных объяснений находились свои сторонники⁵. Бурный рост спроса на инвестиции в Новом Свете, границы которого постоянно расширялись, — самое очевидное объяснение экспорта капитала из Британии, тем более что список направлений инвестиций британцев эту версию подтверждает. Однако предьявлять спрос на иностранный капитал Новый

5. Очень схожие тезисы выдвигались относительно источников глобальных дисбалансов в 2000-е годы.

Свет мог также и потому, что там не доставало собственных сбережений. В частности, в тот период существовала связь между высоким коэффициентом демографической нагрузки⁶ и низкой нормой сбережений, а уровень демографической нагрузки в Новом Свете сам по себе был достаточно большим, чтобы вызывать очень большой спрос на британский капитал (Taylor and Williamson 1994).

Что можно сказать о снижении преград и издержек, связанных с перемещением денег в международном масштабе, то есть о факторе, способствовавшем интеграции глобальных рынков капитала? Это снижение можно объяснить технологическими и политическими причинами. Если говорить о первых, то самую большую роль сыграл телеграф. Разница в ценах на облигации казначейства США, торгуемые в Лондоне и Нью-Йорке, упала на 69% сразу же, как только в июле 1866 года оба побережья Атлантики связала телеграфная проволока (Garbade and Silber 1978). До того как протянули проволоку, новостным сводкам требовалось десять дней для путешествия через океан. Поэтому время сначала уходило на то, чтобы инвесторы узнали о возможностях арбитража, а затем на то, чтобы они могли дать указание своим агентам на другой стороне Атлантики воспользоваться этой возможностью. В результате заключать арбитражные сделки с небольшим разбросом цен было слишком рискованно. После появления телеграфа переправка информации с одного берега Атлантики на другой занимала менее суток, что позволяло осуществлять гораздо более эффективный арбитраж.

Что касается политических причин, то, возможно, зарубежные инвестиции упрощались благодаря надежной защите прав собственности, которую имели инвесторы внутри Британской империи (а также других империй). Еще одним институтом, значение которого подчеркивалось в научной литературе, был уже упоминавшийся в другом контексте золотой стандарт. Он по определению исключал риск курсовой разницы, но, кроме того, он снижал опасность дефолта, потому что заставлял страны проводить консервативную бюджетную и денежную политику (Bordo and Rockoff 1996).

Авторы нескольких эконометрических исследований пытались установить главную причину снижения разницы в процентных ставках на международных рынках капитала, однако они не пришли к единому мнению (Fergu-

6. Соотношение численности иждивенцев моложе и старше трудоспособного возраста и численности населения трудоспособного возраста. — *Прим. ред.*

son and Schularick 2006; Flandreau and Zumer 2004; Obstfeld and Taylor 2004). Но что можно сказать, если вместо разниц в процентных ставках изучить факторы, определявшие движение британского капитала? Принадлежность той или иной страны к золотому стандарту или империи, при прочих равных, вела к снижению доходности по ее облигациям и более высокому экспорту капитала в нее. Однако эти переменные, отражавшие степень сегментации, оказывали гораздо меньшее влияние, чем переменные, определявшие спрос на сбережения и их предложение — развитие школьного образования, запасы природных ресурсов и демографические показатели (Clemens and Williamson 2004a).

Во многих странах мира глобальный капитализм стал побочным продуктом империализма, что сыграло большую роль в XX веке, в эпоху распада империй. Когда такие страны, как Китай, Турция, Индия, и новые государства Южной и Юго-Восточной Азии и Африки вернули себе автономию, на первых порах они отвергли глобализацию и капитализм, составлявший часть системы, подвергшей их колонизации. Через несколько десятилетий наступил новый этап деколонизации, и с началом распада СССР Восточная Европа вернула себе независимость, впрочем, не отрицая глобализацию и капитализм — поскольку те не были частью угнетавшей страны соцлагеря советской системы.

Как мы уже отмечали, ключевым институтом, составлявшим опору чрезвычайно интегрированной международной финансовой системы конца XIX века, являлся золотой стандарт. Однако по мере того, как распространялась демократия, а рынки труда теряли гибкость, золотой стандарт, как и ряд других важных капиталистических институтов, приближался к своей гибели. Почему это происходило? Дело в том, что всеобщее избирательное право давало рядовым гражданам право голоса, а они требовали снизить безработицу всякий раз, когда совокупный спрос резко падал. Это вынуждало власти проводить политику экономического роста, а значит, отказываться от привязки к золоту. Совокупный спрос можно было поднять, девальвируя валюту и тем самым повысив конкурентоспособность экспорта и снизив — импорта. Также его можно было поднять, просто расширяя денежное предложение, снижая процентные ставки и методами инфляции и денежного стимулирования повышая экономическую

активность, что невозможно было делать, оставаясь в рамках золотого стандарта. Давление демократических сил особенно сильно стало ощущаться после Первой мировой войны, с окончанием первого глобального века (Eichengreen 2008).

ОТСТУПЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В МЕЖВОЕННОЕ ВРЕМЯ И ЕЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Первая мировая война покончила с либеральной международной экономикой конца XIX века самым внезапным и драматичным образом. Воюющие страны отказывались от золотого стандарта, начинали регулировать все, даже самые мелкие, стороны своих внешнеэкономических отношений, стремясь максимально нарастить импорт, необходимый для военных нужд, и свести на нет все остальные торговые потоки. В 1917 году Соединенные Штаты ввели экзамен на грамотность, что символизировало конец эпохи свободной миграции в эту страну. После войны Соединенные Штаты ввели квоты на въезд, и их примеру вскоре последовали и другие страны Нового Света. Атмосфера послевоенного мира была мрачной: Российская, Германская и Австро-Венгерская империя лежали в руинах, а занявшие их место государства переживали тяжелые трудности «переходного» периода, в некоторых случаях приводившие к гиперинфляции.

Тем не менее государственные лидеры, как правило, стремились возродить международную экономику довоенной эпохи (важное исключение составляло коммунистическое руководство Советского Союза). В 1920-е годы они постепенно приблизились к своей цели, хотя снижение пошлин и снятие ограничений происходило крайне медленно. В 1924 году мировой объем торговли превысил свой довоенный пик, а ценовые разницы на товары в странах — партнерах по торговле снизились. Государства стали возвращаться к золотому стандарту, и международные займы возобновились. Увы, возобновление движения капиталов заложило предпосылки для нестабильности. В результате Великая депрессия, наступившая в 1929 году и достигшая самой острой фазы после череды международных банковских кризисов 1931 года, привела не только к ужасающему падению выпуска и занятости во многих

странах капиталистического «ядра» планеты, но и вызвала ожесточенную реакцию в сфере политики. Отчасти эта реакция была направлена против международных экономических связей — государства начали устанавливать пошлины, квоты, вводить валютный контроль и отказываться от золотого стандарта. Другой ее мишенью стала демократия — во многих странах стали активно голосовать за крайне правых политиков, и в Германии к власти пришли фашисты (De Bromhead, Eichengreen, and O'Rourke 2012). Вполне закономерно, что многие люди сделали вывод о фундаментальных институциональных пороках капитализма и необходимости совершенно новой системы.

Но если смотреть на события в исторической ретроспективе, поражает, насколько гибкими и прочными оказались институты капитализма в его основных странах. «Новый курс» Рузвельта в США, послевоенные государства всеобщего благосостояния и модель смешанной экономики оставляли рынкам первенство в производстве и распределении продукта, но при этом подвергали капиталистов (особенно тех из них, кто действовал в финансовом секторе) разнообразным мерам контроля, что должно было предотвратить повторение межвоенной катастрофы. В рамках этой политики были национализированы жизненно важные отрасли. Чтобы обеспечить более справедливое и политически стабильное распределение национального дохода, была создана система социальной поддержки, налогов и трансфертов. Но самое сильное интеллектуальное поражение капитализм потерпел в развивающемся мире, где многие страны, впервые получившие независимость, обратились к коммунистической экономической системе или более умеренным формам централизованного планирования. В этом есть своя ирония: ведь мировая периферия пострадала от Великой депрессии в гораздо меньшей степени, чем страны центра. В итоге после 1945 года большая часть развивающихся стран повернулась спиной к глобализации и даже отбросила мысль о полностью свободном внутреннем рынке, перейдя к тому или иному варианту стратегии национального экономического развития. В то же время, в странах первого мира после Второй мировой войны возобновилась либерализация внутреннего и международного рынка, хотя и сохранялся контроль над движением капитала — составная часть экономической политики, выстроенной вокруг стабилизации внутреннего

рынка при фиксированном, хотя и поддающемся корректировке обменном курсе. Сняли эти ограничения лишь в 1970-е годы, после перехода к плавающим валютным курсам. Что же касается развивающегося мира, то его политика сдвинулась в сторону глобализации лишь в 1980-е и 1990-е годы.

Эта последовательность событий находит свое отражение в имеющейся статистике международной торговли и движения капиталов, хотя вплоть до недавнего времени показатели международной миграции росли очень медленно и лишь недавно смогли превысить пик, взятый перед 1914 годом. Международная торговля, которая в 1913 году составляла 8% от глобального ВВП, к 1929 году поднялась до 9%, свидетельствуя о постепенном возрождении глобальной экономики. К 1950 году этот коэффициент опустился до 5,5%, а затем снова поднялся до 10,4% в 1973 году, 13,5% в 1992 году и 17,2% в 1998 году, превысив уровень 1913 года вдвое (Findlay and O'Rourke 2007: 510). Те же тенденции выражала и статистика об издержках международной торговли: в период с 1870 по 1913 год они упали на треть, в период между 1921 годом и началом Второй мировой войны они выросли на 13%, а в 1950–2000 годах упали на 16% (Jacks, Meissner, and Novy 2011). Подобный разворот можно обнаружить и в статистике о международном движении капитала, вне зависимости от того, возьмем ли мы отношение потоков капитала к ВВП, рассмотрим разницы в процентных ставках или степень корреляции между сбережениями и инвестициями (Obstfeld and Taylor 2004). А именно: международные рынки капитала прошли через этап интеграции в конце XIX века, этап глубокой дезинтеграции в межвоенный период и этап постепенной реинтеграции после Второй мировой войны. Нетто-потоки капитала, которые измеряются дисбалансами текущего счета, в настоящее время достигают тех же показателей, что и перед Первой мировой войной, тогда как брутто-потоки капитала, которые показывают двустороннее краткосрочное движение спекулятивных сумм, сегодня на порядок выше. Наконец, тот же разворот наблюдается и в статистике международной миграции: непосредственно перед Первой мировой войной доля граждан, родившихся за рубежом, в совокупном населении Канады и Соединенных Штатов составляла около 15%; к 1965 году она опустилась до 6%, а затем, к 2000 году, повысилась до 13%% (Hatton and Wil-

liamson 2008: 16,205, table 2.2, 10.1). Та же динамика, только более резкая, обнаруживается и в статистике европейской миграции.

РЫНОК И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПОД УДАРОМ

Геополитические факторы

Выше мы видели, что международная экономика прошла глобализацию конца XIX века, закрытие границ после 1914 года и возобновление глобализации после Второй мировой войны. У экономической интеграции на международном уровне были как технологические, так и политические причины, и выше был сделан акцент на политических источниках глобализации XIX века. Чем же в таком случае можно объяснить последовавшую дезинтеграцию? Конечно, говорить о регрессе технологий нельзя, так как достижения XIX века сохранялись и совершенствовались на протяжении всего XX века. На самом деле, в межвоенный период технологический прогресс продвигался необычайно быстрыми шагами (Field 2011), в том числе в сфере транспорта. Можно вспомнить усовершенствованные автомобили с двигателем внутреннего сгорания, автомобильные магистрали и модели самолетов, появившиеся в тот период. Ответ, следовательно, кроется в политической сфере: если максимально достижимый в тот или иной момент времени предел международной интеграции определяется технологиями, то политика определяет, насколько близко мировая экономика может на деле подойти к этой границе.

Речь тут идет как о внутренней, так и о международной политике — противодействие глобализации в межвоенный период шло на обоих уровнях. Однако недовольство «открытыми границами» накапливалось еще до Первой мировой войны. Конфликты возникали по причине растущей зависимости государств от международной торговли. Уже в течение долгого времени Британия полагалась на импорт продовольствия и сырья и, соответственно, на экспорт товаров обрабатывающей промышленности, из чего рождалась ее кровная заинтересованность в открытой системе международной торговли. Господство на море являлось для Великобритании стратегической целью, и Королевский флот стоял на страже безусловной свободы торговли

для всех стран. Однако к концу столетия, благодаря росту своей промышленности и населения, сопоставимый ресурс появился у Германии. Морские штабы по обе стороны Северного моря принялись работать над планами обороны от потенциального противника — и в конце концов начали разрабатывать также и планы нападения. Гонка вооружений на море стала источником международной напряженности (Offer 1989) в преддверии Первой мировой войны. Британские адмиралы рассчитывали, что перспектива континентальной блокады отобьет у немцев охоту вступать в войну, тогда как немецкие стратеги полагали, что блицкриг (быстрый разгром противников на двух фронтах) сделает морскую блокаду бессмысленной.

Во время войны выяснилось, что блокада — действенное экономическое оружие, и союзники продолжили применять ее даже по окончании боевых действий, чтобы немцы быстрее определились с позицией перед переговорами в Версале. Германские и японские националисты твердо усвоили уроки тех событий, и хотя в 1920-е годы обе страны участвовали в попытках возродить международные экономические связи, Великая депрессия дала националистам шанс получить надежную ресурсную базу, с помощью силы создав самодостаточные империалистические блоки. В 1930-е годы система многосторонней торговли конца XIX века потерпела крушение — все большая часть торговых потоков перемещалась внутри формальных и неформальных империй в ущерб торговле между ними. Фактически одной из главных сил, которая заставила Японию развязать войну в Южной и Юго-Восточной Азии, а Гитлера — вторгнуться в Восточную Европу, в том числе в Советский Союз, было стремление к ресурсной самодостаточности (автаркии).

Однако Первая мировая война оставила в наследство не только агрессивные намерения великих держав, но и руины империй — Австро-Венгерской, Османской и Российской. На их месте появились новые европейские нации-государства, которые, как правило, придерживались после 1919 года националистического курса в экономике. Самый знаменательный пример представляет собой, конечно, Россия, где в 1917 году произошла революция. Угроза ее распространения, словно туча, нависала над миром весь остаток XX века: и правда, в результате российской революции коммунизм победил не только в СССР, но и во многих других странах. Система центра-

лизованного планирования коммунистических государств исключала свободный рынок на национальном уровне и свободную торговлю на международном. Коммунистические режимы установили на внешнюю торговлю жесткие ограничения. Новая волна деколонизации поднялась после Второй мировой войны, когда рухнули Британская, Французская и Голландская империи. И завоевавшие независимость государства также на первых порах следовали националистическому политическому курсу, который предполагал экономическую автаркию и активное вмешательство в дела рынка.

В итоге в послевоенное время на Западе постепенно произошла существенная либерализация торговли, тогда как большая часть развивающихся государств двигалась в противоположном направлении. И лишь после того, как в конце XX века с традиционной экономической политикой покончил формально коммунистический Китай, а также страны Азии, Латинской Америки и других развивающихся регионов мира, «глобализация» поистине превратилась в глобальное явление.

Экономические факторы

Поражение, которое глобализация потерпела в межвоенное время, имеет и экономические причины. В случае с экономическими факторами их часть также начала действовать еще до того, как государства пришли в столкновение (O'Rourke and Williamson 1999). С наступлением 1870-х годов на большей части континентальной Европы стали вводиться меры сельскохозяйственного протекционизма, что серьезно помешало дальнейшей интеграции рынков, затронутых этими мерами. Но, помимо этого, неевропейские страны, имевшие самостоятельность в сфере таможенной политики, также массово переметнулись к протекционизму, стремясь защитить свою нарождающуюся обрабатывающую промышленность от иностранной конкуренции. Это происходило в Латинской Америке, Соединенных Штатах, на востоке и юго-востоке Европы и даже в самоуправляющихся доминионах Британской империи. Кроме того, во всех уголках Нового Света все чаще стали вводить ограничения на въезд мигрантов — и все более суровые. Справедливо или нет, но считалось, что потоки людей из беднейших частей Ев-

ропы давят на зарплату неквалифицированных рабочих, увеличивают безработицу и тем самым создают еще большее неравенство.

После войны этот источник давления сохранился и даже усилился как следствие боевых действий. Война искажила международную географию производства, заставив противоборствующие страны Европы переместить ресурсы из гражданской сферы в тяжелую промышленность, нацеленную на военные нужды. Европейские государства, сохранявшие нейтралитет, а наряду с ними неевропейские государства, заняли освободившееся место и стали поставлять недостающие товары потребления и продовольствие. В результате после войны конкуренция в этих отраслях обострилась, подтолкнув к протекционистской политике. Стремление к протекционизму усилилось из-за экономических трудностей, связанных с избытком мощностей в тяжелой промышленности после войны. Что касается миграции, то в США экзамены на грамотность, введенные в 1917 году, в 1920-е годы заменили более жесткой мерой в виде квот на въезд. Эти квоты предпочитали выделять выходцам из Западной Европы и не давать азиатам, а сохранялись квоты на всем протяжении 1950-х годов, пока в 1960-е годы не были проведены либеральные миграционные реформы.

Но среди экономических причин самый большой ущерб глобализации в тот период нанесла Великая депрессия. Не будет ошибкой сказать, что она стала результатом неправильной бюджетной и денежной политики, но если заглянуть глубже, то ее вызвали недостатки международной денежной системы золотого стандарта, которую, несмотря на все тяготы, после войны реконструировали, стремясь вернуться к либеральной международной экономической системе конца XIX века. Золотой стандарт в 1929 году передал импульс денежного кризиса от США остальному миру и лишил власти возможности должным образом ответить на рецессию, разрушавшую экономику. В сущности именно мировоззрение золотого стандарта и страх перед ухудшением платежного баланса заставили власти, в первую очередь руководство Германии, проводить проциклическую бюджетную политику, которая привела к катастрофе. Еще одним уязвимым местом была международная банковская система, которая порождала панику, в итоге в 1931 году охватившую сначала Австрию, затем остальную Центральную Европу и, наконец, Брита-

нию. Институты, лежавшие в основе глобальных рынков капитала, таким образом, стали движущей силой кризиса, и совсем неудивительно, что власти в конце концов их отвергли, отказавшись от золотого стандарта, свободного движения валюты (или обоих институтов сразу). И, таким образом, в соответствии с трилеммой⁷, они смогли вернуть себе независимость денежной политики и запустить восстановление.

7. Трилемма гласит, что ни одна страна не может одновременно иметь свободу кредитно-денежной политики, свободное движение валюты и фиксированный валютный курс. Это значит, что при фиксированном обменном курсе страна вынуждена либо отказаться от свободы кредитно-денежной политики, либо установить контроль над движением валюты. —
Прим. пер.

И вместе с водой в виде международного движения капитала правительства выплеснули ребенка в виде глобальной торговли. Понять, почему страны в конце 1930-х годов были вынуждены пойти на такой шаг и девальвировать свою валюту, довольно легко, ведь они чувствовали, что теряют конкурентоспособность по сравнению с теми, кто уже успел провести девальвацию (Eichengreen and Irwin 2010; Eichengreen and Sachs 1985). Но еще одним мотивом, более интеллектуального свойства, стала очевидная несостоятельность ортодоксальной экономической мысли, для которой золотой стандарт был синонимом идеалов либеральной модели международной экономики. Применять протекционизм для отдельно взятой страны становилось экономически более оправданно, как только его начинали применять все остальные, а более высокие в среднем пошлины, вполне возможно, пошли на пользу экономическому росту отдельных стран (Clemens and Williamson 2004b). Но если взять все страны в целом, то протекционизм послужил почвой для националистических настроений того периода и для устремлений Германии и Японии к имперской самодостаточности, о которых речь шла выше.

Великая депрессия обернулась такой катастрофой, из-за которой интеллектуальный престиж капитализма, а также его притягательность как модели экономического развития, оказался подорван. А в условиях, когда существовала альтернативная экономическая модель, централизованное планирование коммунистического типа, столь хорошо показавшая себя во время Второй мировой войны, в развивающемся мире у государств появился стимул к вмешательству в экономику и сформировалась стойкая неприязнь к рынку. Реакция Запада была совсем иной. Вопреки пророчествам марксистов, государствам в западных странах удалось реформировать капиталистическую систему в достаточной степени, чтобы удовлетворить возросший политический запрос на стабильность и справедли-

вость. В том, что касалось международных экономических отношений, правительства извлекли из 1930-х годов уроки: хотя они и соглашались, что нужно поощрять международную торговлю, над движением капитала установили контроль в целях достижения внутренней макроэкономической стабильности и для поддержания фиксированного обменного курса.

Предпосылки для свертывания глобализации существуют и сегодня. Опросы показывают, что в богатых странах наименее квалифицированные работники питают враждебность к международной торговле и иммиграции, в полном соответствии с предсказаниями теории торговли Хекшера—Олина. И международные миграционные потоки действительно подчинены строгому контролю (правда, это не касается стран внутри ЕС). Хотя сегодня торговые барьеры на международном уровне низкие, всегда есть опасность, что враждебность по отношению к торговле начнет нарастать, несмотря на все усилия международных институтов: ведь неравенство в доходах важно не только само по себе, необходимо учитывать и то, какие ответные политические меры оно способно провоцировать. И если дать нынешнему экономическому и финансовому кризису затянуться (или усугубиться) он вполне может поднять новую волну недовольства глобализацией.

УГЛУБЛЕНИЕ И РАСШИРЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Итак, выше мы проследили путь, которым после 1848 года прошел глобальный капитализм. Последующие главы настоящего тома рассказывают, как капиталистические институты эволюционировали за этот 160-летний период, — теперь у нас есть глобальный контекст, куда можно вписать этот материал. Кратко резюмируем их содержание. Две главы посвящены распространению обрабатывающей промышленности (гл. 2) и функционированию сельского хозяйства (гл. 3). В двух запечатлена эволюция финансового капитализма (гл. 8), международных рынков движения капитала (гл. 9). Три главы посвящены переменам в технологиях (гл. 4), возникновению транснациональных компаний (гл. 6) и тому, как одновременно сосуществовали различные модели предприятий (гл. 7). Пять

глав исследуют те реакции, которые капитализм вызвал в политической и интеллектуальной сфере: взлет и падение империализма (гл. 10); изменения, привнесенные в капитализм войной (гл. 11); распространение политических движений (гл. 12); выход на арену рабочих (гл. 13); капитализм благосостояния и государство всеобщего благоденствия (гл. 14). В одной главе делается попытка оценить, как изменилось качество жизни при капитализме в сравнении с его конкурентами (гл. 15). В последней главе редакторы, пытаясь заглянуть в будущее, подводят итог книге (гл. 16).

ЛИТЕРАТУРА

- Bandiera, O., I. Rasul, and M. Viarengo (2012). "The Making of Modern America: Migratory Flows in the Age of Mass Migration," mimeo.
- Bordo, M. D. and H. Rockoff (1996). "The Gold Standard as a 'Good Housekeeping Seal of Approval,'" *Journal of Economic History* 56: 389–428.
- Clemens, M. A. and J. G. Williamson (2004a). "Wealth Bias in the First Global Capital Market Boom, 1870–1913," *Economic Journal* 114: 304–337.
- . (2004b). "Why Did the Tariff-Growth Correlation Reverse after 1950?" *Journal of Economic Growth* 9: 5–46.
- De Bromhead, A., B. Eichengreen, and K. H. O'Rourke (2012). "Right Wing Political Extremism in the Great Depression," CEPR Discussion Paper 8876.
- Edelstein, M. (1976). "Realized Rates of Return on U. K. Home and Overseas Portfolio Investment in the Age of High Imperialism," *Explorations in Economic History* 13: 283–329.
- . (1982). *Overseas Investment in the Age of High Imperialism*. London: Methuen.
- Eichengreen, B. (2008). *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System*. Princeton University Press.
- Eichengreen, B. and D. A. Irwin (2010). "The Slide to Protectionism in the Great Depression: Who Succumbed and Why?" *Journal of Economic History* 70: 871–897.
- Eichengreen, B. and J. Sachs (1985). "Exchange Rates and Economic Recovery in the 1930s," *Journal of Economic History* 4: 925–946.
- Ferguson, N. and M. Schularick (2006). "The Empire Effect: The Determinants of Country Risk in the First Age of Globalization, 1880–1913," *Journal of Economic History* 66: 283–312.
- Field, A. J. (2011). *A Great Leap Forward: 1930s Depression and U. S. Economic Growth*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Findlay, R. and K. H. O'Rourke (2007). *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton University Press.
- Flandreau, M. and F. Zumer (2004). *The Making of Global Finance 1880–1913*. Paris: OECD.
- Garbade, K. D. and W. L. Silber (1978). "Technology, Communication and the Performance of Financial Markets: 1840–1975," *Journal of Finance* 33: 819–832.
- Hatton, T. J. and J. G. Williamson (2008). *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Jacks, D. S., C. M. Meissner, and D. Novy (2011). "Trade Booms, Trade Busts, and Trade Costs," *Journal of International Economics* 83: 185–201.

- Obstfeld, M. and A. M. Taylor (2004). *Global Capital Markets: Integration, Crisis, and Growth*. Cambridge University Press.
- Offer, A. (1989). *The First World War: An Agrarian Interpretation*. Oxford: Clarendon Press.
- O'Rourke, K. H. and J. G. Williamson (1999). *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth Century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Stone, I. (1999). *The Global Export of Capital from Great Britain, 1865–1914: A Statistical Survey*. Basingstoke: Macmillan.
- Taylor, A. M. (1992). "External Dependence, Demographic Burdens and Argentine Economic Decline after the Belle Époque," *Journal of Economic History* 52: 907–936.
- Taylor, A. M. and J. G. Williamson (1994). "Capital Flows to the New World as an Intergenerational Transfer," *Journal of Political Economy* 102: 348–371.
- Williamson, J. G. (2011). *Trade and Poverty: When the Third World Fell Behind*. Cambridge, MA: The MIT Press.